

[David McVicar Transports Verdi's Foundlings, Nobles and Gypsies to the Age of Goya - The New York Times \(nytimes.com\)](http://www.nytimes.com)

The New York Times

MUSIC REVIEW | 'IL TROVATORE'

Verdi's Foundlings, Nobles and Gypsies, Transported to the Age of Goya

In the Scottish director David McVicar's production of "Il Trovatore," now having its debut at the Metropolitan Opera, the second-act "Anvil Chorus" has been given a choreographic dimension. Sara Krulwich/The New York Times

By **Anthony Tommasini**

Feb. 17, 2009

The curse is broken.

Actually, "double curse" was the way Peter Gelb, the general manager of the Metropolitan Opera, referred to the company's seeming inability to present a decent production of Verdi's "Trovatore" in its laughably inept last two tries, in 1987 and 2000. But on Monday night the Met introduced a new staging by the Scottish director David

McVicar, in his company debut. And with this “Trovatore” the Met knew what it was getting: the production was introduced at the Lyric Opera of Chicago in 2006.

No matter. It is new to the Met, and it works. This may not be the most imaginative or visually striking “Trovatore.” But it is a clear-headed, psychologically insightful and fluid staging.

There are four daunting and equally important lead roles to cast, and the Met has given Mr. McVicar four strong singers to work with. The tenor Marcelo Álvarez sings Manrico, the troubadour of the title, an officer in the rebel forces at a time of civil war in Spain. The baritone Dmitri Hvorostovsky is Count di Luna, a staunch royalist at the court of Prince Aragon and unknown to either Manrico’s lost brother.

The soprano Sondra Radvanovsky sings Leonora, a lady-in-waiting at the court who loves Manrico but is pursued with tenacious determination by the Count. And the mezzo-soprano Dolora Zajick is back in a signature role, the haunted Gypsy Azucena, who has raised Manrico as her son but whose life is consumed by the drive to avenge her mother, condemned as a Gypsy sorceress and burned at the stake long ago, before Azucena’s eyes.

Dmitri Hvorostovsky, kneeling, and Marcelo Álvarez, right, are the long-lost brothers in David McVicar's production at the Met. A review by Anthony Tommasini, .Credit...Sara Krulwich/The New York Times

Rather than encumbering the opera with a heavy-handed concept, Mr. McVicar simply updates the story from Spain in 1409 to the early 19th century, during the Spanish War of Independence, which makes the factional strife seem more contemporary. He and his creative team including the set designer Charles Edwards and the costume designer Brigitte Reiffenstuel, also making their Met debuts draw inspiration from "The Disasters of War," Goya's series of etchings. And the Goya imagery gives the production a consistent and harrowing look.

A tall, looming unit set rotates slowly to conjure different scenes: the gray wall of a castle, crossed diagonally by an ominous set of stairs; the secluded courtyard of a cloister; rocky cliffs to evoke both a Gypsy encampment and a dungeon where Manrico and Azucena await their deaths. In the background we see the charred bodies of victims still bound to stakes.

Despite Mr. McVicar's gibes at the stupidity of the story in a recent interview with The New York Times, he accords this Verdi staple respect in his staging. It's about time someone did. The absurd coincidences of the plot are hardly less plausible than twists you encounter in any number of Shakespeare plays.

Mr. Álvarez plays Manrico as a hothead driven by buried doubts about the woman he believes to be his mother, Azucena. Mr. Hvorostovsky's Count is a suave, conflicted nobleman whose desire for Leonora is inflamed only after he discovers that his rival is Manrico. Some unknown biological imperative draws these lost brothers together, stopping them short of killing each other but fueling their jealousy over Leonora.

Though there are no real dances in "Il Trovatore," the production team includes the choreographer Leah Hausman, in her Met debut, and she surely helped bring physical intricacy to the crowd scenes. At the start of the opera, when Ferrando, a captain in the Count's army (the stentorian bass Kwangchul Youn), tells the soldiers the chilling tale of the Gypsy who was burned at the stake, both the carousing and the horrified reactions of the choristers seemed almost choreographic. And in the Gypsy camp, the well-known "Anvil Chorus" was almost a dance outright, with sweaty musclemen taking rhythmically coordinated swings with the steel hammers on the clanking anvils.

Vocally, it is probably easier for the Met to cast any Puccini or even most Wagner operas than "Il Trovatore." The roles demand everything: Italianate sound and outbursts of power, elegant lyricism and incisive attack, coloratura agility and soaring line.

The mezzo-soprano Dolora Zajick sings the Gypsy Azucena. Sara Krulwich/The New York Times

Mr. Álvarez, an honorable Manrico, has a real tenor voice, full of throbbing warmth and ping. If his singing is sometimes gruff, it goes with his impetuous conception of the character. The showpiece tenor aria “Di quella pira,” which the incensed Manrico dispatches before rushing off to rescue the captive Azucena, traditionally ends with a defiant high C that while not in Verdi’s score, is something opera buffs have come to expect. The aria was transposed down a half-step for Mr. Álvarez, who capped it with a defiant high B.

Mr. Hvorostovsky may not be a classic Verdi baritone, but this distinctive artist once again makes a Verdi role his own, singing with an alluring combination of dusky colors, creamy legato and robust top notes.

Ms. Radvanovsky won an ardent ovation for her Leonora, but her singing may divide Verdi buffs. She gives an intensely expressive and musically honest performance, letting phrases fly with bright, soaring sound and shaping passages with pianissimo tenderness. From her first appearance this vulnerable Leonora looks like a restless young woman full of yearning for her adored Manrico. Still, her sound has a hard-edged quality that is

either earthy and emotional or grainy and pinched, depending on your take. I lean slightly toward the grainy.

Ms. Zajick, a force of nature, sings Azucena with demonic ferocity, a woman obsessed. Yet just as there is intelligence in her singing, there is willfulness in her portrayal. She sees Manrico both as the son she has raised as her own and as a tool of vengeance.

The conductor Gianandrea Noseda drew out dark textures and grave solemnity from the music. But he conducted many passages of steady accompaniment patterns with an expressive flexibility that at times threw the singers off and caused uneven entrances in the orchestra.

Yet right through this performance I kept marveling anew at the inspired music and the dramatic depths Verdi guides us to, despite the plot contrivances. If not eradicated for good, the curse of “Il Trovatore” at the Met is broken for now.

ПЕРЕВОД

Подкидыши, дворяне и цыгане Верди, перенесённые в эпоху Гойи

Энтони Томмазини

Февраль 17, 2009

Проклятие снято.

На самом деле “двойным проклятием” Питер Гелб, генеральный директор Метрополитен-оперы, назвал кажущуюся неспособность труппы представить достойную постановку “Трубадура” Верди в её смехотворно неумелых последних двух попытках, в 1987 и 2000 годах. Но в понедельник вечером Метрополитен представил новую постановку шотландского режиссёра Дэвида Маквикара - его дебют в МЕТ. И с этим “Трубадуром” Метрополитен знал, что получает: эта постановка уже была представлена в Лирической Опере Чикаго в 2006 году.

Но это не важно. Это ново для МЕТ, и это работает. Это может быть не самый оригинальный или визуально поразительный “Трубадур”. Но это понятная, психологически глубокая и динамичная постановка.

В “Трубадуре” четыре трудные и одинаково важные главные роли, и Метрополитен дал мистери Маквику четыре сильных певцов. Тенор Марсело Альварес поёт Манрико, главную роль, офицера повстанческих сил во время гражданской войны в Испании. Баритон Дмитрий Хворостовский – граф ди Луна, убеждённый роялист при дворе принца Арагона и потерянный брат Манрико, о чём они оба не знают.

Сопрано Сондра Радвановски поёт Леонору, придворную даму, любящую Манрико, но с упорной решимостью преследуемую графом. И меццо-сопрано Долора Заджик вернулась к своей фирменной роли одержимой цыганки Азучены, выростившей Манрико как своего сына, но поглощённой стремлением отомстить за свою мать, осуждённую как цыганская колдунья и сожжённую на костре давным-давно на её глазах.

Вместо того, чтобы обременять оперу тяжёлой концепцией, мистер Маквикар просто переносит историю из Испании в 1409 году в начало 19 века, во время войны Испании за независимость, что делает вражду более современной. Он и его творческая команда, в том числе сценограф Чарльз Эдвардс и художник по костюмам Бриджит Райффенштюэль, также дебютирующие в МЕТ, черпают вдохновение из серии гравюр Гойи “Бедствия войны”. И образы Гойи придают постановке логичный и полный страдания вид.

Высокая, смутно очерченная декорация медленно вращается, вызывая в воображении различные сцены: серая стена замка, пересекаемая по диагонали зловещей лестницей; уединённый двор монастыря; скалистые утёсы, напоминающие и цыганский лагерь, и подземелье, где Манрико и Азучена ждут своей смерти. На заднем плане мы видим обугленные тела жертв, всё ещё привязанные к кольям.

Несмотря на насмешки мистера Маквикара над глупостью сюжета в недавнем интервью газете "Нью-Йорк Таймс", он с уважением относится к этому знаковому произведению Верди в своей постановке. Наконец-то кто-то это сделал. Абсурдные совпадения сюжета едва ли менее правдоподобны тех поворотов, с которыми вы сталкиваетесь в огромном количестве в пьесах Шекспира.

Господин Альварес играет Манрико вспыльчивым, ведомым тайными сомнениями по поводу женщины, которую он считает своей матерью, Азученой. Граф господина Хворостовского - обходительный, противоречивый дворянин, чья страсть к Леоноре разгорается только после того, как он обнаруживает, что его соперник - Манрико. Какой-то неизвестный биологический императив сближает этих потерянных братьев, не давая им убить друг друга, но разжигая их ревность к Леоноре.

Хотя в "Трубадуре" нет настоящих танцев, в постановочную команду входит хореограф Лия Хаусман, дебютирующая в MET, и она, несомненно, помогла привнести физическую тонкость в массовые сцены. В начале оперы, когда Феррандо, капитан армии графа (раскатистый бас Квангчул Юн), рассказывает солдатам леденящую душу историю о цыганке, которую сожгли на костре, и пьянство, и ужасная реакция хористов казались почти хореографическими. А в цыганском таборе хорошо известный "Хор цыган" был почти настоящим танцем, когда потные мускулистые люди ритмично согласовывали удары стальными молотками по лязгающим наковальням.

Вокально Метрополитену, вероятно, легче исполнить любую оперу Пуччини или даже большинство опер Вагнера, чем "Трубадур". Роли требуют всего: итальянского звучания и взрывов энергии, элегантного лиризма и резкого удара, колоратурной подвижности и парящей линии.

У мистера Альвареса, благородного Манрико, настоящий тенор, полный трепещущей теплоты и звонкости. Если его пение иногда бывает грубым, это соответствует его импульсивному представлению о персонаже. Показательная теноровая ария "Di quella pira", которую разгневанный Манрико поёт перед тем, как броситься спасать пленённую Азучену, традиционно заканчивается вызывающим верхним До, которое ожидают любители оперы, хотя его нет в партитуре Верди. Ария была транспонирована на полтона ниже для мистера Альвареса, который увенчал её подчёркнуто верхним Си.

Господин Хворостовский, возможно, и не является классическим вердиевским баритоном, но этот уникальный артист снова делает роль Верди своей собственной, исполняя с неотразимым сочетанием тёмных цветов, кремового легато и твёрдых верхних нот.

Госпожа Радвановски заслужила бурные овации за свою Леонору, но её пение может расколоть поклонников Верди. Она даёт интенсивно выразительное и музыкально искреннее исполнение, позволяя фразам летать с ярким, парящим звуком и формируя пассажи с нежностью пианиссимо. С первого взгляда эта ранящая Леонора выглядит как беспокойная молодая женщина, полная тоски по своему обожаемому Манрико. Однако её звук имеет жёсткие углы, он либо бледный и чувственный, либо шероховатый и зажатый, в зависимости от вашего восприятия. Я слегка склоняюсь к шероховатому.

Мисс Заджик, как природная стихия, поёт Азучену с демонической свирепостью безумной женщины. Но точно так же, как в её пении есть разум, в её игре есть своеобразие. Она видит в Манрико и своего сына, и орудие мести.

Дирижер Джанандреа Нозеда показал в музыке мрачный дух и серьёзную торжественность. Но он дирижировал многими пассажами устойчивых образцов аккомпанемента с выразительной гибкостью, которая временами сбивала певцов с толку и вызывала неравномерные выступления.

Тем не менее, на протяжении всего этого спектакля я продолжал заново удивляться вдохновенной музыке и драматическим глубинам, которыми ведёт нас Верди, несмотря на сюжетную изобретательность. Если и не ликвидировано навсегда, то проклятие "Трубадура" в Метрополитене на данный момент снято.

Перевод с английского Н. Тимофеевой.